
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА

РЕМЕСЛО ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

© 2013 г. С.Б. Болелов

Государственный музей Востока, Москва (BSB1958@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний железный век, историко-культурная область, поселение, производственный центр, палеоэкономика, гончарное производство, кузнечное ремесло.

The article uses archaeological data to analyze the early phase in the development of handicrafts in Khoresm over a long period of time. Community handicrafts emerged there in the Late Bronze Age. Powerful cultural impact from the southern regions of Central Asia in the Early Iron Age contributed to the creation of production centers, where professional craftsmen produced goods for the market. The time period in question appears to mark the beginning of handicraft trades in Khoresm.

Хорезм – древнейшая земледельческая область в низовьях Амударьи – наиболее изученный в археологическом отношении регион Центральной Азии. Благодаря широкомасштабным археологическим исследованиям, которые в течение почти 50 лет проводились Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, а также археологическими экспедициями Каракалпакского филиала АН Республики Узбекистан, на территории Южного Приаралья открыты сотни памятников различных эпох: укрепленные городища, поселения, грунтовые и курганные могильники. Большая часть материалов опубликована, и имеется вполне определенное представление об уровне материальной и художественной культуры области в различные периоды времени.

Вместе с тем некоторые вопросы истории материальной культуры Хорезма освещены недостаточно. В определенной степени это относится к истории развития ремесленного производства на территории области. Количество и качество материала, накопленного в ходе многолетних исследований, как представляется, позволяет вполне определенно судить об уровне развития этого рода человеческой деятельности в различные периоды.

Наиболее ранние остатки специализированного ремесленного производства на территории Хорезма датируются не позднее VIII в. до н.э. На поселениях эпохи поздней бронзы Якке-Парсан 2 (амирабадская культура) раскопана полуземлянка (дом 8, “дом литейщика”), где найдены четыре каменные (сланцевые) двухстворчатые формы для отливки бронзовых орудий и фрагменты глиняного сосуда

(тигля) с капельками медного сплава на дне (Итина, 1963. С. 122). Это пока единственное достоверно зафиксированное археологически свидетельство существования специалистов-ремесленников на амирабадских поселениях. Находки орудий труда и наконечников стрел из бронзы на других поселениях свидетельствуют о развитии бронзолитейного производства в Хорезме в эпоху поздней бронзы. На территории дельтовой области Амударьи рудные проявления меди не известны, и вообще Хорезм довольно беден полезными ископаемыми. В связи с этим возникает вопрос об источниках сырья для бронзолитейного производства на амирабадских поселениях.

Как установлено в результате комплексных исследований, во второй половине II – начале I тыс. до н.э. основными источниками сырья для бронзолитейного производства тазабагыбских племен, населявших в эпоху бронзы низовья Амударьи, были Волго-Камский и Кызылкумский металлургические очаги. Более ранние по времени предметы относятся к Волго-Камскому очагу, а поздние – к Кызылкумскому (Итина, 1977. С. 136; Виноградов и др., 1986. С. 148). Таким образом, бронзолитейное производство на амирабадских поселениях работало, скорее всего, на кызылкумском сырье. Возможно, это связано с тем, что в последней трети II тыс. до н.э. активно начали разрабатываться оловорудные месторождения на юге пустыни Кызылкум (Зирабулак-Зияэтдинские горы) (Низовья..., 1960. С. 113; Рузанов, 1995. С. 63; 2011. С. 32–36).

Население эпохи поздней бронзы низовий Амударьи еще не знало гончарного круга – вся керамика

амирабадской культуры изготовлена от руки и в лучшем случае подправлена на вращающейся подставке. В то же время обращает на себя внимание то, что посуда, особенно столовая, была в сравнительно высокой степени стандартизована. Это обстоятельство дает основание предположить, что в амирабадских общинах были специалисты-гончары, занимавшиеся формовкой и обжигом посуды. Специальных помещений для производства посуды не было, во всяком случае, они не найдены, а вот обжиг керамики, как можно предполагать, проводился в специально отведенных местах.

Во время раскопок поселений эпохи бронзы обнаружены остатки конструкций, которые гипотетически можно интерпретировать как площадки для кострового обжига керамики. Это сравнительно большие по площади возвышения, обычно овальные в плане. Длина по оси – более 20 м, ширина – 10–15, высота – 0.4. Они практически целиком состоят из некрупных камней, многие из которых имеют явные следы воздействия огня. Во время раскопок такой площадки на стоянке Каунды 16 кроме камней часто попадались куски сильно обожженной глины¹. Видимо, аналогичная площадка, расположенная на берегу канала, на окраине поселения, зафиксирована на стоянке Кокча 16 (Андрианов, 1969. С. 109. Рис. 30). Косвенным подтверждением этого предположения служат этнографические материалы. Так, в горных районах Таджикистана, там, где было распространено женское гончарство вплоть до 30–40-х годов XX столетия, обжиг сосудов проводился на открытых площадках, выложенных камнями (Пещерева, 1959. С. 42, 43).

Все известные на территории Южного Приаралья ремесленные производства эпохи поздней бронзы, как гончарные, так и бронзолитейные, размещались компактно на краю поселения или в отдельном жилище. По всей видимости, уже в эпоху поздней бронзы в скотоводческо-земледельческих общинах амирабадской культуры выделялись специалисты-ремесленники, обслуживавшие членов общины. Однако о полном выделении ремесла как отдельной отрасли хозяйства говорить не приходится. В данном случае речь может идти об общинном ремесленном производстве.

Археологические памятники эпохи бронзы в низовьях Амударьи сосредоточены на территории правобережного Хорезма (южная Акчадарьинская дельта). Уже в конце I тыс. до н.э. протоки Акчадарьинской дельты функционировали периодически,

а на рубеже VIII–VII вв. до н.э. сток по ней резко сократился (Низовья..., 1960. С. 66). Соответственно резко сократилось и количество оседлых скотоводческо-земледельческих поселений. С постепенным усыханием Акчадарьинской дельты в этот период связаны миграции “амирабадцев” на северо-восток в пределы северной части дельты и далее на территорию Сырдарьинской дельты (Итина, 1998. С. 88). Надо полагать, кризис культуры эпохи поздней бронзы на территории Хорезма был глубоким и в общем-то необратимым; с изменением гидрографической и экологической ситуации была разрушена палеоэкономическая система, сложившаяся во второй половине II – начале I тыс. до н.э.

Политическая и этническая история Хорезма на заре раннего железного века по большей части связана с территорией Присаракамышской дельты Амударьи (левобережный Хорезм). В конце VIII или начале VII в. до н.э. окончательно установился постоянный сток в Саракамышскую впадину и произошло новое заселение Присаракамышской дельты.

По данным археологии, на территории левобережного Хорезма в VII в. до н.э. выделяются две группы памятников: могильники сакского культурного типа, содержащие все элементы скифской триады, оставленные населением, которое, по данным антропологии, связано с восточным, “сакским” ареалом степи; поселения и могильники куюсайского типа, где элементы скифской триады полностью отсутствуют. Прародина населения, оставившего памятники второй группы, как свидетельствуют антропологические данные, располагалась в Волго-Уральских степях (Яблонский, 1996. С. 45, 46; 2008. С. 309).

Ранний железный век Хорезма (РЖВХ) можно разделить на несколько периодов. Археологические комплексы куюсайской культуры (ранний этап), как поселенческие, так и погребальные, датируются в пределах VII – первой половиной VI в. до н.э. (Вайнберг, 1979. С. 42–44). Археологические комплексы из ранних сакских курганов на возвышенности Сакар-чага датированы концом VIII – VII в. до н.э. (Яблонский, 1996. С. 52). Таким образом, ранний период РЖВХ, который, как кажется, вполне правомерно было бы назвать сако-куюсайским, можно датировать в целом концом VIII – VII в. до н.э. В это время на территории левобережного Хорезма на основе двух культурных компонентов, восходящих к различным культурам степной бронзы, формируется единая в культурном отношении общность (Болевлов, 2010. С. 414).

Основой хозяйства населения левобережного Хорезма было скотоводство. На поселении Куюсай 2,

¹ Раскопки стоянки Каунды 16 проводились в 1983–1984 гг. под руководством М.А. Итиной при непосредственном участии автора статьи.

как следует из анализа костного материала, полученного в ходе раскопок, ведущим было полукочевое скотоводство с преобладанием в стаде крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов (в общем – 55%). В то же время в археологическом комплексе Куюсайского поселения представлены артефакты, свидетельствующие о занятии земледелием. При этом какие-либо следы даже примитивной ирригации отсутствуют, что дает основание предполагать, что земледелие было богарным или каирным (Вайнберг, 1979. С. 23, 24). Население, хоронившее своих покойников на возвышенности Сакар-Чага, также занималось разведением крупного рогатого скота и лошадей, не последнее место в их хозяйстве занимали охота и рыболовство, что, по мнению исследователя могильников Л.Т. Яблонского, дает основание характеризовать эту группу населения как полuosедлых скотоводов.

Следы ремесленного производства сако-куюсайского периода РЖВХ зафиксированы только на Куюсайском поселении, где повсеместно встречаются слитки меди и изделия из медных сплавов. Наибольшее их количество найдено в восточной части поселения, где в раскопе “А” зафиксирован участок с культурным слоем, насыщенный фрагментами пещины и медными шлаками. О том, что здесь было бронзолитейное производство, красноречиво свидетельствует находка части бракованного удила (Вайнберг, 1975. С. 45).

В комплексе из раскопок поселения представлены изделия из железа. Найдены четыре однолезвийных железных ножа с невыделенной рукоятью и немного округленной спинкой, железный предмет, напоминающий пробойник (Вайнберг, 1979. С. 16. Табл. X). В то же время на поселении какие-либо конструкции, связанные с металлургическим или кузнечным производством, не обнаружены. По всей видимости, о металлургии железа на Куюсайском поселении говорить не приходится хотя бы потому, что в низовьях Амударьи, да и во всем Южном Приаралье рудопроявлений железа нет. Можно предполагать здесь кузнечное производство, работавшее на привозных полуфабрикатах (кричное железо). Об этом, в частности, свидетельствуют фрагменты железных криц и куски ошлакованного металла.

Не вызывает сомнения, что вся местная керамика изготавливалась здесь же и обжигалась костровым способом, о чем красноречиво свидетельствуют качество и цвет черепка. Возможно, так же, как и на поселениях амирабадской культуры, здесь сооружались специальные площадки для обжига. Вся куюсайская керамика изготовлена от руки, возможно, с использованием вращающейся подставки.

В то же время находки импортной гончарной посуды (Дахистан, Маргиана) говорят о том, что “куюсайцы” имели представление о посуде, изготовленной на гончарном круге (Вайнберг, 1979. С. 16).

Жители Куюсайского поселения занимались и домашними промыслами: ткачеством, обработкой кости и камня. Находки каменных и костяных лошцил, предметов, связанных с прядением и ткачеством (пряслица, костяные гребни), свидетельствуют о переработке продуктов животноводства в домашних условиях (Вайнберг, 1979. С. 24).

На поселении широко практиковалась обработка бирюзы. Кроме кусков необработанной породы на поселении встречаются полуфабрикаты и бракованные изделия, что указывает на существование здесь ювелирного промысла. Особо следует отметить находку своеобразного небольшого “бирюзового нуклеуса” со следами сколов. Из бирюзы делали бусы “лепешковидной” формы и “боченковидной”, близкой к цилиндрической. Уникальны многочисленные подвески ромбовидной формы (Вайнберг, 1977. С. 44). По цветовой гамме бирюза Куюсайского поселения весьма разнообразна: от сочно-голубого до зеленоватого и бледно-голубого цвета. Это обстоятельство позволяет считать, что камень добыт в разных месторождениях.

В левобережном Хорезме месторождения бирюзы не известны. Исследовательница памятника Б.И. Вайнберг, учитывая связи куюсайской культуры с южными областями Туркменистана и северными районами Ирана, высказала предположение о нишапурском происхождении бирюзы (1979. С. 18). Вместе с тем бусы и поделки из бирюзы, найденные в ходе раскопок курганов на возвышенности Сакар-Чага, имеют, по всей видимости, среднеазиатское происхождение. В результате анализа бирюзовой застежки колчана из кургана 23 могильника Сакар-Чага 6 установлено, что бирюза, из которой она была изготовлена, происходит из месторождения в Центральных Кызылкумах, вероятно, в районе Уч-Кудука (Яблонский, 1996. С. 32). Возможно, источником бирюзы были также месторождения в горах Букантау (Внутренние Кызылкумы), где их выявлено не менее десятка (Виноградов и др., 1965. С. 119–122). Ближайшее из них расположено в 15–20 км от сакского могильника Джузкудук (Манылов, 1990. С. 36). Кроме того, известны месторождения бирюзы в горах Султан-Уиздаг, начало разработки которых датируются в пределах VI–V вв. до н.э. (Манылов, 1974. С. 53–56).

Принимая во внимание приведенные выше факты, можно предполагать, что бирюза из районов Центральных Кызылкумов и из разработок в горах Султан-Уиздага в эпоху раннего железного века как

в виде готовых изделий, так и в виде сырья распространялась во всем Приаралье, и в том числе на территории Присаракамышской дельты.

Это не исключает того, что какая-то часть бирюзы на Куюсайском поселении была нишапурского происхождения и в то же время позволяет наметить направления культурных и экономических связей населения Присаракамышья в эпоху РЖВХ.

По имеющимся в настоящее время данным, как кажется, можно охарактеризовать ремесло Хорезма в сако-куюсайский период РЖВХ как одну из составляющих палеоэкономической системы региона. Есть основания считать, что население, проживавшее в Куюсайском поселении и оставившее курганы на возвышенности Сакар-Чага, принадлежали к одной археологической культуре. В процессе ее сложения формируется взаимосвязанная комплексная палеоэкономическая система, когда одна часть населения, изначально иноэтничная, проживает в оседлых поселениях и обеспечивает скотоводов продуктами ремесла и сельского хозяйства. В этих условиях активно развиваются домашние промыслы, особенно в сфере переработки продуктов животноводства (обработка камня и кости, ткачество, прядение, выделка кожи). Безусловно, ремесло в это время было общинным и вряд ли можно говорить о полном его выделении в системе преимущественно полукочевого скотоводческого хозяйства и примитивного неполивного земледелия. Скорее всего, производством орудий труда и обжигом керамики занимались члены общины, изготавливавшие изделия на заказ.

В самом конце VII – начале VI в. до н.э. на территории Южного Приаралья произошли коренные

изменения в социальной и экономической системе, сыгравшие ключевую роль в дальнейшем развитии общества в регионе. Началась прокладка крупных каналов длиной 10–15 км, осваивались навыки строительства из сырцового кирпича, изготавливалась керамика на гончарном круге быстрого вращения и появился двухъярусный обжигательный горн. Непосредственное участие в этих процессах приняли и саки Присаракамышья, что привело к скачкообразной трансформации их материальной и духовной культуры (Итина, Яблонский, 1997. С. 81; Рапопорт, 1998. С. 30). Этот период, который можно считать вторым периодом РЖВХ, в археологической литературе принято называть архаическим или кюзелигырским. Он подразделяется на два этапа: архаический – самый конец VII – VI в. до н.э.; позднеархаический или дингильджинский, который первоначально датировался в пределах второй половины V в., но теперь, после раскопок на поселении Хумбуз-тепе, эту датировку можно расширить и датировать его V – началом или, возможно, серединой IV в. до н.э. (Болелов, 2004. С. 51, 52).

Зарождение в низовьях Амударьи высокоразвитого ирригационного земледелия и урбанистической культуры связано в первую очередь с культурным импульсом из южных древнеземледельческих областей Средней Азии, прежде всего Маргианы, возможно, в меньшей степени из Бактрии. При этом нет никаких оснований считать, что на территорию Хорезма переселились или были переселены большие группы населения из южных областей (Воробьева, 1979. С. 38–41; Рапопорт, 1998. С. 30; Болелов, 2004. С. 48–55).

Единственный пока археологический памятник, где достоверно зафиксированы следы ремесленного

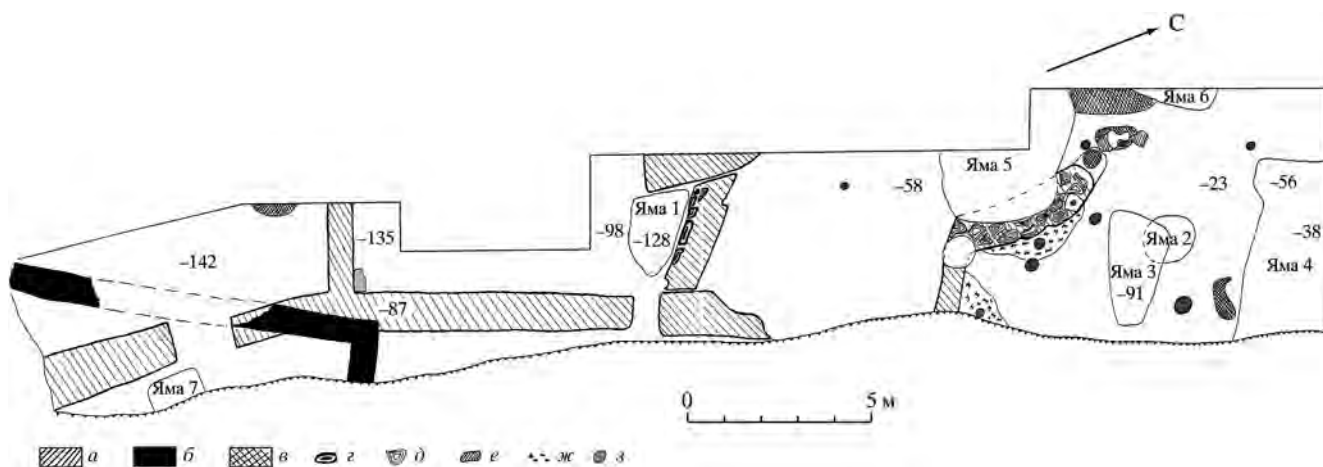

Рис. 1. Поселение Хумбуз-тепе. План раскопа 2 (1997 г.). Условные обозначения: а – стены периода ХТ-1б; б – стены периода ХТ-II; в – зольники; г – куски керамического шлака; д – бесформенные куски плотной материковой глины коричневого цвета; е – бесформенные куски плотной пахсы; ж – участки древней поверхности, покрытые плотной глиняной обмазкой (уровень пола?); з – столбовые ямы.

производства, датированные не позднее конца VII – начала VI в. до н.э., – Хумбуз-тепе, керамический производственный центр, расположенный в южном левобережном Хорезме, в 18 км от Хазараспа. К наиболее раннему периоду жизни памятника (ХТ-1а) относятся несколько помещений, по всей видимости, производственного характера, вскрытых в северной части поселения (рис. 1). В ходе раскопок найдены многочисленные фрагменты подкладных дисков, использовавшихся при формовке крупных сосудов, куски керамических шлаков и пластичной глины. К периоду ХТ-1б относится двухъярусный керамический обжигательный горн с прямой вертикальной тягой, который можно датировать не позднее конца VI в. до н.э. (Болелов, 1999; 2004. С. 48–53). Этот горн по своим конструктивным характеристикам находит прямые аналогии с горнами середины I тыс. до н.э. на территории Маргианы (Уч-депе, Чурнок). Рядом с горном раскопана часть мастерской, где формировалась посуда (рис. 2). В помещении найдены крупный выпукло-вогнутый подкладной диск, несколько вкопанных в пол хумчей с остатками пластичной глины и однолезвийный железный нож с невыделенной, овальной в сечении массивной ручкой.

Помимо гончарного на поселении зафиксированы следы других производств. Видимо, с металлургическим или кузнечным производством связана двухкамерная одноярусная печь, которая работала на принудительной тяге. Здесь были найдены сопла, при помощи которых в печь нагнетался воздух. Под и стенки печи оплавлены до зеленого цвета (Баратов, Матрасулов, 2003. С. 41, 42).

По всей видимости, Хумбуз-тепе можно квалифицировать как ремесленный производственный центр, где помимо гончарного функционировало и металлообрабатывающее производство. Поселение было основано на раннем этапе становления урбанистической культуры в низовьях Амударьи профессионалами-ремесленниками, выходцами из южных областей, вероятнее всего из Маргианы, учитывая сходство конструкции горна Хумбуз-тепе с горнами, раскопанными в низовьях Мургаба. В связи с этим обращает на себя внимание одно обстоятельство, а именно: в культурных слоях архаического периода найдены фрагменты нижних частей крупных цилиндроконических сосудов, у которых на днищах были отгиснуты тамгообразные знаки (рис. 3). Принимая во внимание тот факт, что все цилиндроконические сосуды изготавливались с применением выпукло-вогнутого подкладного диска, значит, клеймо на днище сосуда было отпечатком знака, вырезанного на диске. Обнаруженные на Хумбуз-тепе тамгообразные знаки весьма раз-

нообразны, что, возможно, свидетельствует о том, что это индивидуальные знаки-клейма первых мастеров-керамистов или их учеников (Яценко, 2001. С. 95). Примечательно, что в более поздних слоях Хумбуз-тепе (комплекс ХТ-III – IV–III вв. до н.э.) оттиски клейм на сосудах не встречаются, в то же время появляются знаки, нанесенные на сосуд острым предметом до обжига.

Хумбуз-тепе расположен неподалеку от крупного городского центра – городища Хазарасп. Нижние культурные слои этих двух памятников, как можно предполагать, синхронны (Баратов, 2004. С. 46). Хумбуз-тепе мог быть тем центром, из которого навыки высокотехнологичного ремесленного производства, прежде всего гончарного, впоследствии распространились по всей территории Хорезма. Во всяком случае, все известные на сегодняшний день горны архаического периода датируются более поздним временем.

Надо полагать, подобная модель распространения профессионального гончарного производства в середине I тыс. до н.э., вероятно, фиксируется и в Согде. В 8 км от Афрасиаба открыт керамический производственный центр Сары-тепе площадью 3 га, расположенный по обоим берегам бокового ответвления древнего русла Даргома. Здесь выявлены остатки не менее 20 обжигательных керамических горнов и более 80 ям с производственными и хозяйственными отвалами. Следы капитальных жилых построек не обнаружены. Усматривается прямая параллель между Хумбуз-тепе и Сары-тепе: в обоих случаях крупные керамические центры возникают около крупных городских центров. Примечательно также, что в обеих историко-культурных областях более ранние обжигательные горны периода раннего железного века пока не известны.

Видимо, Хумбуз-тепе, как и Сары-тепе, был производственным центром, где ремесленники производили продукцию на рынок, который ограничивался пределами крупного земледельческого оазиса. Безусловно, речь не может идти о товарно-денежных отношениях, скорее всего, посуда обменивалась на сельскохозяйственную продукцию.

В начале VI или на рубеже VII–VI вв. до н.э. на берегу Южного Даудана (один дельтовых протоков Присаракамышской дельты Амударьи) строится Кюзели-гыр – поселение городского типа, которое на первых этапах сосуществовало с Кюсайским поселением. По археологическим данным можно предполагать, что Кюзели-гыр был не только административным и, возможно, культовым центром левобережного Хорезма, но и хорошо укрепленным двухчастным поселением, где функционировало довольно развитое высокотехнологичное ремесленное

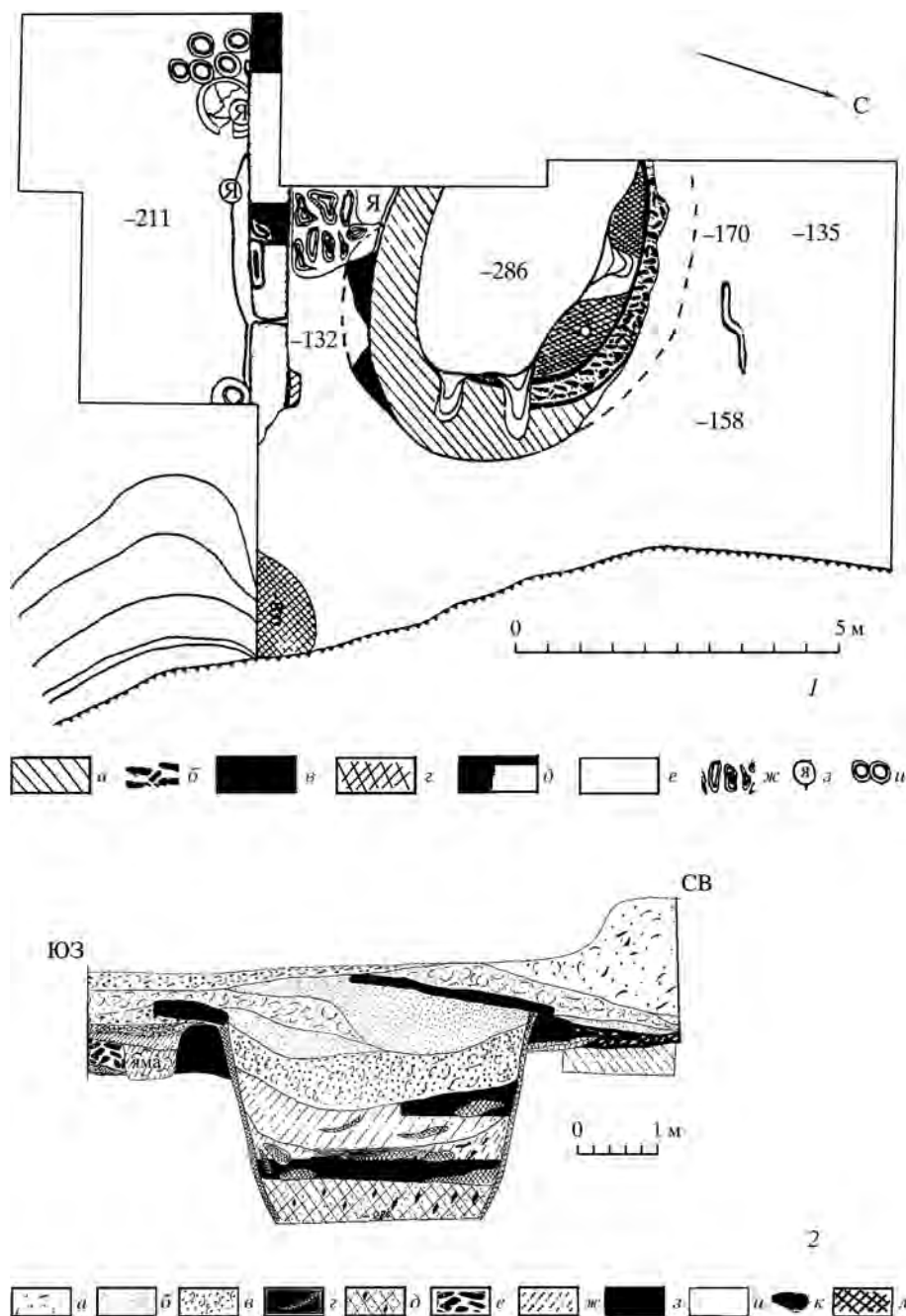

Рис. 2. Поселение Хумбуз-тепе. План (1) и разрез (2) обжигательного горна и производственного помещения (раскопки 1996–1997 гг.). Условные обозначения. 1: а – кирпичная стена горна 1-го периода; б – стена горна 2-го периода; в – ранняя пахсовая стена горна; з – прокаленная поверхность пода; д – стена помещения 1-го периода; е – стена помещения 2-го периода; ж – куски материковой глины; я – яма; и – хумы; 2: а – перемешанный культурный слой; б – песок; в – рыхлая супесь с большим количеством керамики; з – плотная супесь с золой и кусками обожженной глины; д – плотная супесь с кусками керамического шлака; е – плотный слой комковатой глины и глиняных обмазок; жс – комковатая земля серого цвета; з – стена горна; и – плотная глина; к – крупные куски керамического шлака; л – слой золы темно-серого цвета.

производство. Остатки крупного железоделательного производства, относящиеся ко второму периоду жизни памятника, обнаружены в восточной части городища, где на значительной площади зафиксированы скопления железных шлаков. Здесь же найдены

фрагментированные керамические сопла, которые, по всей видимости, использовались для нагнетания воздуха в кузнечные горны (Толстов, 1958. С. 149). О существовании на Кюзели-гыр бронзолитейного производства свидетельствуют многочисленные

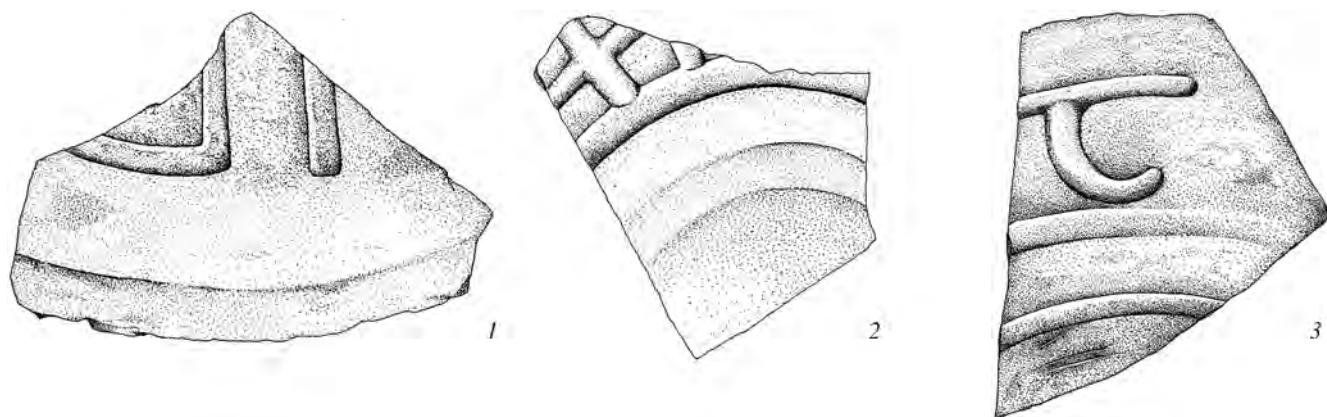

Рис. 3. Поселение Хумбуз-тепе. Клейма на днищах крупных тарных сосудов (раскопки 1996 г.).

находки медных шлаков и литков. Кроме того, в группе лепной керамики Кюзели-гыр обращают на себя внимание фрагменты небольших толстостенных полусферических плошек и цилиндрических сосудов, которые, с большей или меньшей долей вероятности, можно трактовать как небольшие тигли².

Как представляется, данные, полученные в результате раскопок на Кюзели-гыр, также дают основание предполагать здесь довольно крупное ремесленное производство (прежде всего кузнечное), где работали профессионалы-ремесленники. Выплавка бронзы, также требующая профессиональных навыков, могла производиться в небольших домашних мастерских. Особо следует отметить тот факт, что производство было сосредоточено в определенной части городища. Это дает основание предполагать здесь наличие если не квартала (что в общем-то маловероятно, учитывая особенности внутренней планировки), то во всяком случае специально отведенного для производства участка внутри крепостных стен.

Наряду с профессиональным ремесленным производством на территории Хорезма в архаический период функционировало и общинное ремесло. Эта форма организации производственной деятельности отчетливо прослеживается по материалам небольшого земледельческого оазиса Дингильдже, основной период жизни которого датируется второй половиной V в. до н.э. (позднеархаический этап). В пределах урочища зафиксированы четыре обжигательных керамических горна, расположенные

на некотором расстоянии друг от друга. Три горна находились рядом с практически полностью разваленными постройками (Воробьева, 1973. С. 212). Остатки одного из них зафиксированы непосредственно в пределах раскопанной усадьбы. Этот горн относится к периоду, когда усадьба была уже оставлена жителями, стены еще стояли и в одном из помещений рядом с горном была устроена, как можно предполагать, мастерская, где изготавливались сосуды (Воробьева, 1959. С. 76). Еще одно производственное помещение функционировало во время обживания усадьбы. Здесь обнаружено большое количество каменных орудий труда, предназначенных для растирки и дробления твердых минералов (лощила, терки, абразивы, пестики), найден полуфабрикат бирюзовой подвески (Воробьева, 1959. С. 58, 59). По мнению М.Г. Воробьевой, это было производственное помещение, связанное с обработкой камня (видимо, в данном случае бирюзы) и подготовкой кусочков руды к выплавке, это могла быть и медная руда, так как литки и капли бронзы найдены в нескольких местах усадьбы (1973. С. 74).

К северо-востоку от раскопанной усадьбы обнаружена конструкция явно производственного назначения, которую М.Г. Воробьева квалифицирует как металлургический горн. Удалось расчистить только его основание, которое представляло собой вытянутое с востока на запад овальное в плане возвышение (2×1.1 м), сложенное из сырцового кирпича и обожженное до красного цвета. Основание стенок горна (?) состояло из двух колец кладки: внутреннее (ширина 27 см) сделано из пахсы, наружное (ширина 20 см) — из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. С западной стороны возвышения зафиксированы остатки канала (по всей видимости, воздухоудовного. — Б.С.) шириной 42 см и длиной 60. Дно его опалено и ограничено сырцовыми кирпичами. В восточной части основания у длинных сторон были несколько смещенные относительно друг

² Раскопки на городище Кюзели-гыр проводились в 1952–1953 гг. под общим руководством С.П. Толстова; в конце 70 — начале 80-х годов прошлого столетия — под руководством О.А. Вишневской. Материалы работ полностью не опубликованы. В настоящее время археологическая коллекция из раскопок памятника хранится в фондах сектора истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока.

друга, выделенные швами полукружья диаметром 40 см (следы фурм) (Воробьева, 1973. С. 211).

Таким образом, существование в оазисе Дингильдже высокотехнологичного ремесла наряду с домашними и прикладными промыслами бесспорно. Вместе с тем какие-либо места концентрации производства в пределах поселения не отмечены. Остатки производственных конструкций рассредоточены на всей территории оазиса (Воробьева, 1973. С. 4. Рис. 1). Это обстоятельство дает основание говорить об общинной форме ремесла на поселении, т.е. изготовлением керамики и металлообработкой для нужд общины занимались члены этой же общины. Производство функционировало периодически, по мере надобности. Ремесленники, по всей видимости, работали на заказ.

Следы общинного производства зафиксированы и в других районах Хорезма. Развал горна с керамикой архаического типа найден в окрестностях городища Кюзели-гыр (Вайнберг, 1991. С. 18) в пределах развееванного поселения архаического периода.

При рассмотрении материалов, связанных с ремеслом Хорезма сако-куюсайского и архаического периодов, обращают на себя внимание масштабы и довольно высокий уровень производства, связанный с изготовлением орудий труда из железа. Об этом, прежде всего, говорит количество железных предметов и орудий труда, найденных при раскопках поселений. Например, только в поселенческих комплексах архаического периода представлено более 60 железных предметов и орудий труда. На Кюзели-гыр их найдено 45. Это едва ли не больше, чем на всех известных в настоящее время синхронных памятниках Средней Азии. В комплексе представлены преимущественно орудия труда: ножи, серпы, иглы, проколки и т.д. (рис. 4). Есть все основания считать, что все или большая часть этих предметов были произведены на месте.

Как сказано выше, в низовьях Амударьи и сопредельных областях сколько-нибудь значимые месторождения железной руды не отмечены. В связи с открытием металлургического горна эпохи раннего средневековья (VII – начало VIII в. н.э.) в окрестностях городища Большая Кырк-Кыз-кала уже высказывалось предположение о том, что сырьевой базой в данном случае могли быть лимонитовые руды железистых песчаников, которые в большом количестве прослаивают меловые толщи Султан-Уиздага. Использование этих руд, содержащих небольшой процент железа, но в то же время не требовавших специальных горных разработок, было вполне удобно для мелкого производства (Неразик, 1966. С. 103). Не исключено, что хорезмийские сельские металлурги середины I тыс. до н.э. (например, металлург в оазисе Дингильдже) так-

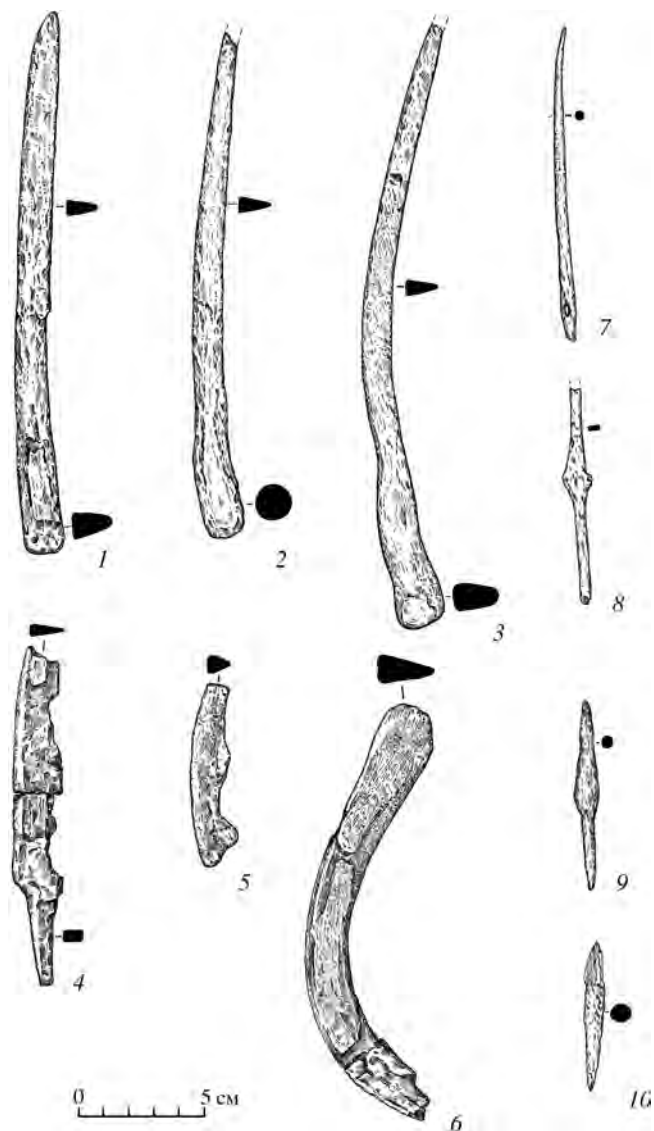

Рис. 4. Городище Кюзели-гыр. Орудия труда из железа.

же могли использовать природный ресурс Султан-Уиздага. Однако продукция сельских металлургов вряд ли полностью могла насытить рынок. Вероятно, металлообрабатывающее производство Хорезма в середине-второй половине I тыс. до н.э. могло работать только на привозном сырье, которое поступало в виде полуфабриката (крицы). Это подтверждается находками фрагментов и целых криц на Куюсайском поселении и городище Кюзели-гыр. К сожалению, анализ металла пока не проведен. По этой причине можно высказать только гипотетические предположения об источниках сырья, на которых базировалось металлообрабатывающее ремесленное производство области.

Нельзя исключать того, что основными поставщиками его были кочевые скотоводческие племена,

населявшие обширные территории степной зоны Приаралья, которые, видимо, можно рассматривать как звено в палеоэкономической системе, сложившейся в регионе в эпоху РЖВХ.

Можно предполагать, что экономические связи между Приуральем и Южным Приаральем были установлены уже VII в. до н.э., т.е. в период РЖВХ-I (сако-куясайский). Как считают большинство исследователей, в первой половине I тыс. до н.э. сакские объединения Южного Приаралья в низовьях великих среднеазиатских рек и родственные им племена Южного Приуралья составляли единую историко-этнографическую общность (Вишневская, Итина, 1971. С. 207; Яблонский, 1991. С. 11; Итина, Яблонский, 1997. С. 83; Смирнов, 1964а. С. 278, 279). Не исключена также прямая взаимная инфильтрация населения между Приуральем и Приаральем, что подтверждается антропологическими данными, полученными на территории Присаракамышской дельты (Яблонский, 1996. С. 57, 58).

Учитывая приведенные выше факты, можно предполагать и существование достаточно прочных экономических связей между регионами. Железо в виде полуфабрикатов-криц могло поступать в Хорезм из месторождений на южных и восточных склонах Урала, где их известно достаточно много. Например, в древних копиях Мугоджарских гор в верховьях Урала наряду с медной обнаружена и железная руда. Вполне вероятно, что начало разработок приходится на савроматское время, о чем свидетельствует широкое распространение железа на Южном Урале в этот период (Смирнов, 1964а. С. 62). Не исключено, что в позднеархаический период железо транспортировалось группами кочевых скотоводов Устюрта, которые были частью обширного мира самаро-уральского варианта савроматской культуры. Традиционные маршруты перекочевков кочевников проходили в меридиональном и, возможно, в широтном направлениях (Ягодин, 1990. С. 79, 80). Наиболее удобным местом для зимовок были районы Приаральской и Присаракамышской дельт Амударьи, где кочевники напрямую контактировали с населением оазисов. Здесь они могли обменивать полуфабрикаты железа на продукты сельского хозяйства и изделия хорезмийских ремесленников (Ягодин, 2008. С. 117).

Помимо этого нельзя не учитывать месторождения железа, которые выявлены в горах Нуратау (Южные Кызылкумы) (Пругер, Дрествянская, 1978. С. 216, 217). Не исключено, что руду здесь добывали уже и середине-второй половине I тыс. до н.э. Железные полуфабрикаты (крицы) могли доставляться в низовья Амударьи группами сакского населения, кочевавшими на территории Кызылкумов (Маньков, 1987. С. 595; 1990. С. 33–38).

Железо могло поступать на территорию Хорезма и с территории Южного Туркменистана (предгорья Копетдага, Юго-Восточный Прикаспий – Дахистан), где зафиксированы многочисленные следы металлургического производства (Марущенко, 1959. С. 67; Массон, 1959. С. 106–108). Это вполне вероятно, если учитывать традиционные связи населения Хорезма с этими районами в период РЖВХ-I. Это предположение косвенно подтверждается еще и тем, что, по данным Д.Н. Логофета, во времена Хивинского ханства разрабатывались рудопроложения железа в северо-западной оконечности Копетдага (Кюрендаг) (Бубнова, 1975. С. 39).

Таким образом, подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать несколько предварительных выводов.

Начальный этап становления ремесленного производства в Хорезме относится к эпохе поздней бронзы, когда в поселениях скотоводов и земледельцев работали общинные ремесленники, изготавливавшие продукцию на заказ. В сако-куясайский период, несмотря на то что в значительной степени изменяется этнический состав населения низовьев Амударьи, организация ремесла оставалась на том же уровне. По-прежнему потребности жителей поселений в ремесленной продукции удовлетворяли мастера – жители того же поселения, члены общины. Вместе с тем можно предполагать, что эти же ремесленники снабжали этой продукцией группы подвижных скотоводов, кочевавших на территории Приаралья. В этом случае можно предполагать изготовление партий изделий для обмена.

Качественный скачок в развитии ремесленного производства региона отмечен в начале архаического периода РЖВХ, когда на территории Хорезма появились группы ремесленников-профессионалов с юга с новыми технологиями. По всей видимости, с этого времени можно говорить о ремесле как об отдельной составляющей палеоэкономической системы древнего Хорезма. В это время на территории региона фиксируется несколько форм организации ремесленного производства. Безусловно, преобладало общинное ремесло (керамическое производство и обработка металла), существовавшее в сельских соседских общинах наряду с домашними (обработка поделочных полудрагоценных камней, в первую очередь бирюзы). В то же время возникают гончарное производство, где работали ремесленники-профессионалы (Хумбуз-тепе), поставлявшие продукцию на зарождавшийся рынок, и профессиональное металлообрабатывающее производство, также производившее продукцию и для обмена.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 10-01-00157а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Баратов С. Археологические работы в южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане. 2003 г. Ташкент, 2004.
- Баратов С., Матрасулов Ш. Археологические работы в южном Хорезме // Археологические работы в Узбекистане. 2002 г. Ташкент, 2003.
- Боделов С.Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепа // Общественные науки в Узбекистане. № 9, 10. Ташкент, 1999.
- Боделов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент, 2004.
- Боделов С.Б. Древний Хорезм и номады (палеоэкономические системы взаимодействия во второй половине I тыс. до н.э.) // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010.
- Бубнова М.А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI–XIX вв. М., 1975.
- Вайнберг Б.И. Куюсайская культура раннего железного века в Присаракамышской дельте Амударьи // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975.
- Вайнберг Б.И. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении // КД. Вып. V. Ашхабад, 1977.
- Вайнберг Б.И. Памятники Куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (Тр. ХАЭЭ; Т. XI).
- Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. I. М., 1991.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М., 1986.
- Виноградов А.В., Лопатин С.В., Мамедов Э.Д. Кызылкумская бирюза (Из истории добычи и обработки) // СЭ. 1965. № 2.
- Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА; № 177).
- Воробьева М.Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже // Материалы ХАЭЭ. 1959. Вып. 1.
- Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в Древнем Хорезме. М., 1973.
- Воробьева М.Г. Проблема “Большого Хорезма” и археология // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Итина М.А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958–1959 гг.) // Материалы ХАЭЭ. 1963. Вып. 6.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977 (Тр. ХАЭЭ; Т. X).
- Итина М.А. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997.
- Маньолов Ю.П. Бирюзовые выработки VI–V вв. до н.э. в Хорезме // Вестн. Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. № 1 (55). Нукус, 1974.
- Маньолов Ю.П. Исследования в Кызылкумах // АО–1985. 1987.
- Маньолов Ю.П. Могильник Джужкудук-2 раннесакского времени в горах Букантау // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
- Марущенко А.А. Елькен-депе // Тр. ИИЭА АН Туркменской ССР. 1959. Вып. V.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА; № 73).
- Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма. М., 1966.
- Низовья Амударьи, Саракамыш, Узбой. История формирования и заселения // Материалы ХАЭ. 1960. Вып. 3.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
- Прусер Е.Б., Дрествянская Г.Я. Средневековый горный промысел Нуратау // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Рузанов В.Д. К вопросу об истоках оловянистых сплавов в Узбекистане // Ўрта осий ва археологиясининг долзарб муамолари. Ташкент, 1995.
- Рузанов В.Д. Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (Ч. 1) // Археология Узбекистана. № 1 (2). Ташкент, 2011.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964а.
- Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964б. № 3.
- Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Тр. ХАЭЭ. 1958. Т. II.
- Яблонский Л.Т. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1991.
- Яблонский Л.Т. Саки южного Приаралья. М., 1996.
- Яблонский Л.Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы к современной скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В.А. Башилова. М., 2008 (МИАР; № 10).
- Ягодин В.Н. Курганный могильник Дев-Кескен // Археология Приаралья. Ташкент, 1990.
- Ягодин В.Н. Кочевники и Хорезм в Приаральском микрорайоне в IV–III вв. до н.э. // Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент, 2008.
- Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

ЗАМЕТКИ О БАКТРИЙСКОЙ КЕРАМИКЕ (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ БРОНЗОВОГО КОТЛА ИЗ ХРАМА ОКСА, ТАХТИ-САНГИН)

© 2014 г. С.Б. Болелов

Государственный музей искусства народов Востока, Москва (BSB1958@yandex.ru)

Ключевые слова: *Бактрия, Тахти-Сангин, Кампыртепа, эллинистический керамический комплекс, юэчжуйско-бактрийский керамический комплекс, литейная форма, столовая посуда, чаши, кубки, «рыбные блюда».*

The article considers a ceramics complex which was found in the settlement Takhti-Sangin together with a unique clay cast for moulding bronze cauldrons. The researches have dated the complex back to the first half of the 2nd century BC. However, as the detailed analysis of the vessels' fragments from the complex shows, it is not simultaneous. On the whole, on the basis of numerous analogues it can be dated in the frames of the 3rd century BC – the first quarter of the 2nd century AD. As ceramics, the same as the cast form was found in the trash layers, such a diverse in time ceramic complex cannot be a basis for more precise dating of a cauldron casting.

Последняя треть IV в. до н.э. – начальный этап коренных изменений не только в художественной, но и в материальной культуре Среднего Востока, которые стали следствием походов Александра Великого. Эти изменения отчетливо проявляются в самом массовом археологическом материале – керамике.

Если рассматривать керамическое ремесленное производство как подсистему палеоэкономической системы историко-культурного региона, можно выявить определенные закономерности процесса формирования керамического комплекса. Как представляется, на его становление и развитие влияло несколько факторов, как внешних, так и внутренних.

Один из основных внутренних факторов – развитие технологии гончарного производства на определенной территории (более технологически совершенные конструкции обжигательного горна, усовершенствование режима обжига, появление гончарного круга быстрого вращения и т.д.). Значительное влияние на становление и стабилизацию керамического комплекса оказывали процессы централизации и политической консолидации в пределах области. Возникновение государственного образования и как следствие – единого внутреннего рынка оказывало значительное влияние на стандартизацию продукции керамического производства (Болелов, 1999; Калалы-гыр 2..., 2004.

С. 147). Примером такой модели служит древне-хорезмийский керамический комплекс конца IV – III в. до н.э., который формируется в результате развития керамической традиции предыдущего периода (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 147).

Внешний фактор, влияющий на формирование керамического комплекса, – привнесение извне на территорию области принципиально новых технологий и вследствие этого новых керамических форм. Это могло происходить двумя путями.

Первый – миграции на территорию области больших групп иноэтничного населения, сохранявшего на протяжении некоторого периода времени свою керамическую традицию, проявлявшуюся в способе формовки керамических сосудов, обработке внешней поверхности и видах орнаментации. Изменения прежде всего наблюдаются в домашнем керамическом производстве. Пример подобной модели – раннесредневековый комплекс кердерской культуры в низовьях Амударьи, керамика которой напрямую связана с керамической традицией джетысарской культуры низовьев Сырдарьи (Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008. С. 187–189; Неразик, 2013. С. 34–37).

Второй – это миграция или, скорее, инфильтрация на территорию области небольших групп населения, в основном профессиональных ремесленников – носителей передовых технологий. В этом случае фиксируются изменения в группе гончар-

ной и прежде всего столовой посуды. Появляются новые формы, никак не связанные с предыдущей керамической традицией, новые приемы орнаментации и обработки внешней поверхности сосудов. Пример такой модели формирования комплекса – распространение на территории Хорезма керамики типа Яз II-III (Болелов, 2004. С. 52, 53).

Практически никогда упомянутые выше модели не реализуются, если можно так сказать, в “чистом виде”. В одном случае преобладают формы и типы посуды, представляющие собой развитие более ранних прототипов, связанных с местной керамической традицией; четко выделяются формы, появившиеся на территории региона или в процессе культурных и экономических связей, или в результате прямого импорта. В другом случае определяющую роль играют внешние факторы; связь с предыдущим комплексом прослеживается лишь по отдельным формам сосудов.

Керамический комплекс эпохи эллинизма на территории южных областей Средней Азии, безусловно, формировался на местной основе, но под мощным воздействием греческой керамической традиции (Шишкина, 1974, 1975; Пугаченкова, 1979. С. 189; Пугаченкова и др., 1978. С. 158–160; Литвинский, Седов, 1983. С. 123–129).

Нижней хронологической границей появления на территории Среднеазиатского Междуречья форм греческих сосудов считается последняя треть IV в. до н.э. – время среднеазиатских походов Александра Великого. Однако вряд ли посуда, изготовленная по греческим образцам, появилась на территории южных областей региона сразу же после того, как армия форсировала Окс. Учитывая археологические данные, следует признать, что эллинистический керамический комплекс формируется на территории Северной Бактрии в самом конце IV или начале III в. до н.э.

На трех памятниках: Джига-тепе (нижний слой) (Пидаев, 1984. С. 113), Курганзол (период 1) (Сверчков, 2007. С. 35), Гыш-тепа (верхний строительный горизонт) (Мокробородов, 2007. С. 148–153) выявлены комплексы так называемого переходного типа, которые традиционно датируются самым концом IV в. до н.э. На Курганзоле эта дата подтверждается данными радиоуглеродного анализа (Сверчков, 2007. С. 61, 65, 66). Во всех комплексах преобладают формы сосудов, генетически связанные с предыдущим, позднеахеменидским периодом: полусферические плоскодонные чаши, приземистые плоскодонные кубки с округлым туловом (“кубкообразные” горшки по Пидаеву), лепные кувшиновидные сосуды без ручки со сравнительно широкой горловиной и сильно покатыми плечика-

ми. Как характерную особенность всех этих комплексов можно отметить полное отсутствие в них чаш с заостренным в нижней части “клювовидным” венчиком (“рыбные блюда”), цилиндроконических кубков на дисковидном поддоне. В то же время в них присутствуют полусферические чаши с резко отогнутым наружу, уплощенным по верхней горизонтальной плоскости верхним краем (чаши с “Г-образным” венчиком).

Наиболее отчетливо греческая керамическая традиция прослеживается прежде всего в формах столовой посуды. В то же время формы кухонных, хозяйственных и тарных сосудов генетически связаны с бактрийской традицией. Это вполне объяснимо, так как столовая посуда изготавливалась профессионалами ремесленниками. Гончары реагировали на спрос потребительского рынка и в определенной степени следовали моде. Уже при Александре Великом и особенно в период вхождения Бактрии в державу Селевкидов на территории области появляется греческое население (Тарн, 1949. С. 131–147; Ставиский, 1978. С. 205–207; Кошеленко, 1979. С. 131–160; Пичикян, 1991. С. 120–126; Фрай, 2002. С. 184–198; Попов, 2008. С. 44–49). Греки могли принести с собой посуду с далекой родины. В этот же период значительно увеличивается спрос на керамику, изготовленную в подражание греческим образцам. На территории Трансоксианы появляются “рыбные блюда”, полусферические чаши с Г-образным и Т-образным венчиком, кратеровидные сосуды, леканы, известны находки асков и т.д.

Типология среднеазиатской эллинистической керамики подробно разработана в археологической литературе, и основные положения предложенной классификации в общем не вызывают серьезных возражений (см., например: Gardin, 1973; Шишкина, 1975; Литвинский, Седов, 1983; Седов, 1984; Lyonnet, 1997. С. 122–172; Ртвеладзе, Болелов, 2000). Однако следует заметить, что все эти формы, если можно так сказать, “несколько варваризированы” и не являются прямой копией греческой посуды. Возможно, прав Л.М. Сверчков, который предположил, что эллинистический комплекс “ай-ханумского типа” сложился где-то на Среднем Востоке от Ирана до Афганистана и уже в готовом виде появился на территории к северу от Амударьи (Сверчков, Восковский, 2006. С. 27). Следует только заметить, что это относится прежде всего к столовой посуде. Возможно, среди греков, мигрировавших в восточные сатрапии Селевкидского государства, были гончары, о чем свидетельствует конструкция некоторых обжигательных горнов – округлые двухъярусные горны с опорным столбом

в топочной камере (Болелов, 2001. С. 21, 22; 2010). Эти ремесленники и формовали посуду, которая была им хорошо известна на родине.

Эллинистический керамический комплекс бытовал на территории Бактрии, по крайней мере, на протяжении 200 лет (III–II вв. до н.э.). Однако морфологические и параметрические характеристики форм и типов столовой посуды остаются практически неизменными в течение всего этого периода. В силу этого обстоятельства весьма затруднительно определить типы сосудов или типобразующие признаки, которые можно было бы считать “хронологическими индикаторами” для разных этапов эллинистического периода.

По археологическим материалам выделяется комплекс последующего юэчжийско-бактрийского периода, формирование которого обычно относится к концу II – началу I в. до н.э. (Массон, 1976. С. 10, 11; 1986; Пидаев, 1978. С. 88–91). В это время значительно изменяется облик керамики на территории Северной Бактрии в целом. Изменения фиксируются как в морфологии, так и в технологии изготовления сосудов. Например, появляются новые формы сероглиняной посуды (Пидаев, 1976. С. 73; 1987. С. 89–91; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 54). Таким образом, конец II в. до н.э. следует считать верхним хронологическим пределом бытования “классического” эллинистического комплекса на территории Бактрии, однако о полном исчезновении греческой традиции в керамическом производстве говорить не приходится. Некоторые формы столовой посуды в более поздних комплексах (юэчжийско-бактрийский, кушано-бактрийский) явно восходят к эллинистическим образцам (Болелов, 2009. С. 68–77).

В культурных слоях эллинистического периода найдено немного четко стратифицированных селевкидских и греко-бактрийских монет, поэтому относительная и абсолютная хронология этого периода основана на стратиграфических данных и сравнительном анализе керамических комплексов (см., например: Сверчков, 2006). В последние годы на территории Северной Бактрии получены археологические комплексы эпохи эллинизма, абсолютная датировка которых основана на нумизматических данных, результатах радиоуглеродного и коллагенового анализов. Это комплекс из раскопок крепости Курганзол (Swertschkov, 2010) и комплекс, полученный в результате раскопок цитадели Кампыртепа. По стратиграфическим данным на ранней стадии существования Кампыртепа выявлено четыре основных периода, которые по нумизматическим данным и результатам радиоуглеродного анализа датируются в пределах последней четверти IV – первой половины II в. до н.э.: период КТ-I –

последняя четверть IV в. до н.э.; период КТ-II – первая половина III в. до н.э.; КТ-III – вторая половина III в. до н.э.; КТ-IV – первая половина II в. до н.э. (Болелов, 2011).

Эллинистические культурные слои залегают практически горизонтально, не нарушены поздними ямами и перестройками. Благодаря этому в культурном слое каждого этапа удалось выявить несколько относительно разновременных керамических комплексов. Например, в слое КТ-III мощностью немногим менее 2 м выделено шесть относительно разновременных комплексов. На памятнике получена полная стратиграфическая картина накопления культурных слоев эллинистического периода, при этом четко определены хронологические границы каждого строительного горизонта. Сверху они перекрываются строительным горизонтом юэчжийско-бактрийского периода.

Эллинистический керамический комплекс из цитадели крепости можно считать эталонным, во всяком случае для античных памятников Северной Бактрии. На основании сравнительного анализа керамики Кампыртепа с другими памятниками региона можно несколько скорректировать не только относительные, но и абсолютные датировки эллинистических керамических комплексов Бактрии, полученных в ходе раскопок.

В настоящей статье в свете данных об эллинистической керамике, введенных в научный оборот в последние годы, рассматривается керамический комплекс, сопутствующий уникальной находке из храма Окса на городище Тахти-Сангин – фрагменты глиняных форм для отливки бронзовых котлов, на венчиках по крайней мере трех из них сохранились вырезанные по сырой глине греческие надписи (Дружинина, 2005. С. 88–91; Drujinina, Boroffka, 2004. P. 61; Drujinina, 2008; Alexander..., 2010. S. 366. Kat. 263).

В южной части теменоса храмового комплекса было открыто полуподземное помещение (полуземлянка?), вырубленное в материковом слое и ориентированное по оси В–З. Спуск в него был с запада, где выявлены ступени. По всей видимости, это сооружение относится к одному из начальных этапов функционирования храма. По мнению исследователей памятника, здесь была мастерская по изготовлению крупных бронзовых предметов, что вполне допустимо, учитывая приведенные в публикациях аналогии (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 51–54; Иванчик, 2011. С. 111). Видимо, здесь можно провести параллель с культовым центром Калалы-гыр 2, где на территории храмовой части были открыты следы бронзолитейного и кузнечного производств, работавших в вырубленных в мате-

риковом грунте котлованах только в период строительства. После его окончания производственные сооружения были частично срублены, котлованы засыпаны и перекрыты слоями плотной глины (Калалы-гыр 2..., 2004. С. 148–151).

Такую же ситуацию можно предполагать и на Тахти-Сангине, однако, как следует из публикаций, на уровне нижнего пола сооружения следы производства не зафиксированы, и о назначении его на первом этапе существования остается только догадываться. Стратиграфическая ситуация в раскопе (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 52. Рис. 5, 3) однозначно свидетельствует о том, что полуземлянка постепенно заполнялась строительным мусором, камнями, разбитыми подношениями (?), а также производственными остатками в виде фрагментов литейных форм, медных шлаков и т.д. По сути – это отходы производства, накопившиеся в течение времени. Никакие производственные очаги или конструкции, связанные с бронзолитейным производством, непосредственно в пределах помещения не обнаружены. Этот факт свидетельствуют о том, что на цитадели Тахти-Сангина функционировало бронзолитейное производство, где изготавливали крупные бронзовые котлы. Однако место расположения этого производства пока не обнаружено.

Среди фрагментов литейных форм выделяется одна (форма № 2), на внутренней стороне которой полностью сохранилась греческая надпись (Дружинина, Иганаки, 2009. С. 103–105; Дружинина и др., 2010. С. 192–199). Как следует из не совсем внятного описания условий находки, фрагменты глиняной формы залегали в “наслоениях многочисленных культурных слоев (sic!) толщиной 40 см, в которых были собраны закрытые комплексы греко-бактрийского времени”. “Наслоения” перекрывались слоем глины, содержавшей остатки деятельности предыдущих раскопок и керамику. В этом слое обнаружена позднекушанская монета (Дружинина, 2005. С. 90, 91). Литейная форма найдена в верхних мусорных слоях заполнения подземного помещения. Как это видно по чертежу, она зафиксирована в яме, спущенной сверху: по А.П. Дружининой слой VIa, прорезающий слой IX (Дружинина и др., 2010. С. 212. Рис. 7. Разрез В–В'). Дата объекта по ^{14}C определена в пределах 166–46 гг. до н.э. (Кубавара, 2010. С. 217–219).

Мусорные слои полуземлянки перекрываются полом теменоса (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 52); остается неясным, каким именно. В пределах теменоса выявлено три относительно разновременных уровня пола. Самый ранний – глиняная обмазка уровня материка толщиной не более 3–5 см соответствует периоду строительства стен темено-

са – IV–II вв. до н.э. Уровень второго пола, соответствующий первому крупному разрушению храма, зафиксирован на 10–15 см выше уровня материка. Он датируется II–I вв. до н.э. по находкам обола Герая и монеты Евкратиды. Этот пол перекрывается слоем натеков толщиной 40 см, на который был положен третий пол – свита глиняных обмазок толщиной 13 см (следует заметить, что в публикациях А. Дружининой эти полы и слой натеков никак не отмечены), относящийся к последнему периоду существования храма – II–III вв. н.э. (Литвинский, Пичилян, 2000. С. 121–125, 182–184).

В ходе раскопок алтарно-башенного сооружения № 2, расположенного в северо-западном углу теменоса, выявлено девять строительных периодов и шесть уровней пола внутри помещения (Пичилян, 1989. С. 177–194). Комплекс керамики из этого сооружения – единственный опубликованный, четко стратифицированный керамический комплекс Тахти-Сангина – датируется в пределах I в. до н.э. – III в. н.э. Керамика с нижних полов – кушано-юэчжийским периодом, I в. до н.э. – I в. н.э. (Керзум, 1989).

А.П. Дружинина, опубликовавшая фрагменты литейной формы, игнорируя верхнюю хронологическую границу указанной выше радиоуглеродной даты, датировала находку второй четвертью II в. до н.э. Комплекс керамики, который, по ее мнению, представляет собой “закрытые комплексы греко-бактрийского времени” и только подтверждает эту датировку (Дружинина, 2005. С. 90; Дружинина и др., 2010. С. 192). В последней публикации эта дата была несколько скорректирована в сторону омоложения – не ранее середины II в. до н.э., возможно даже несколько позднее (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 56).

Надо сказать, что столь узкие датировки комплексов эллинистической керамики не могут быть приняты, тем более что калиброванная дата радиоуглеродного анализа дана с интервалом 120 лет, 166 BC (95.4%) – 46 BC (Кубавара, 2010. С. 219).

Выше уже отмечалось, что бактрийский эллинистический комплекс отличается чрезвычайной стабильностью, особенно это касается столовой посуды. Набор основных форм и типов столовой керамики бытует практически без изменений на протяжении всего эллинистического периода. Учитывая это обстоятельство, иногда вызывает некоторое недоумение предлагаемые датировки керамических комплексов в пределах четверти века только на основании морфологических или декоративных признаков. Принимая во внимание соображения, изложенные выше, датировка комплекса керамики, найденной на Тахти-Сангине вместе с литейными

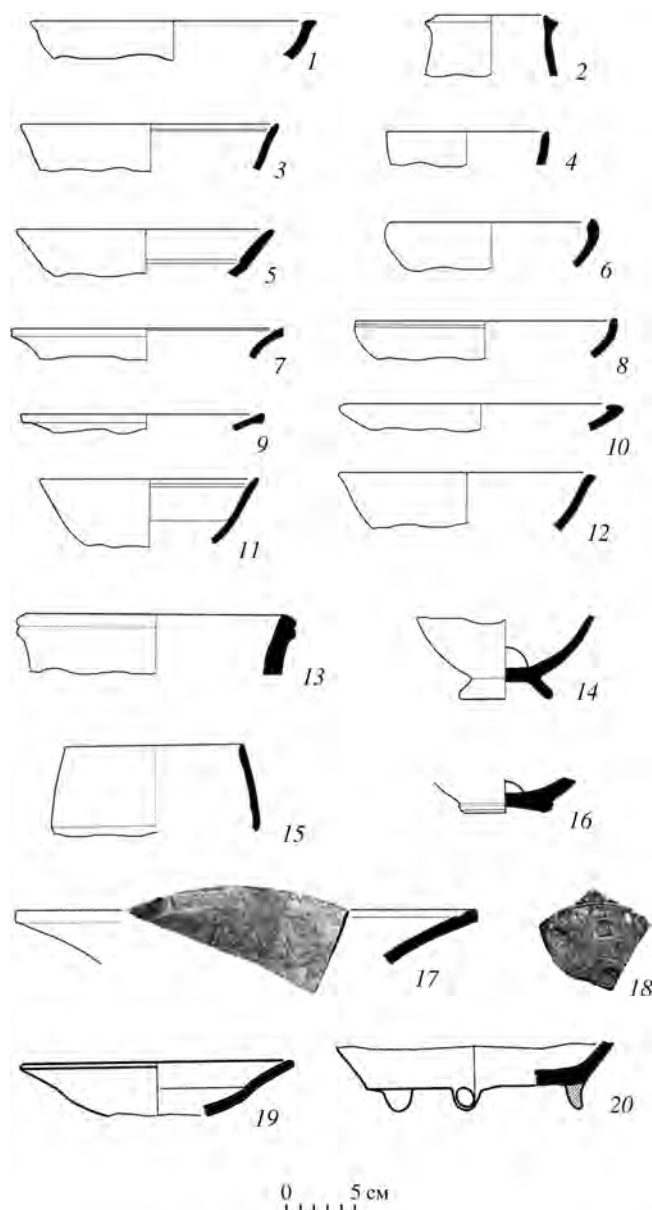

Рис. 1. Комплекс керамики из раскопа “храм 18”, храм Окса. Городище Тахти-Сангин (по: Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011).

формами (рис. 1), вызывает возражения и требует серьезной корректировки¹.

Лишь один фрагмент из комплекса можно отнести к эллинистическому периоду. Это верхняя часть приземистой чаши с резервуаром усеченно-кони-

ческой формы и резко загнутым внутрь верхним краем (рис. 1, 10). Сосуд находит себе прямые аналогии практически во всех известных эллинистических комплексах Средней Азии (Шишкина, 1975. С. 64. Рис. 4, 15, 16; Сулейманов, 2000. Рис. 98, 17, 18; 100, 21–23; Lyonnet, 2001. Р. 148. Fig. 2, 13–15; 2013. Р. 356. Fig. 4, 9–11; Сверчков, 2007. Рис. 16, 2, 3; 18, 2; 19, 9–16; Болелов, 2011. С. 79. Рис. 6, 8). Эта форма, по всей видимости, – прообраз крупных столовых чаш и мисок, широко распространенных в юэчжийско-бактрийский и кушано-бактрийский периоды (Пидаев, 1978. С. 125. Табл. III, 5–9; Болелов, 2009. С. 69). Разница состоит лишь в том, что у чаш эллинистического периода верхний край, загнутый внутрь сосуда, заострен, тогда как у сосудов этого типа более позднего времени он имеет округлые очертания, а у чаш кушано-бактрийского периода чаще всего утолщен.

В комплексе “храм 18” представлен фрагмент еще одной полусферической чаши, которую с определенной долей вероятности можно датировать эллинистическим периодом (рис. 1, 8). Характерный признак этого сосуда – два четко выраженных желобка по верхнему краю с внешней стороны. На Кампыртепа полусферические чаши, декорированные подобным образом, представлены в комплексе КТ-IV (поздний этап греко-бактрийского периода) – не ранее начала II в. до н.э. (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 61. Рис. 3, 26, 27). Однако вряд ли эти сосуды следует считать хронологическим репером. Они довольно широко были распространены и в более поздний – юэчжийско-бактрийский период (Пидаев, 1978. С. 125. Табл. III).

По мнению исследователей, одна из основных датирующих форм в керамическом комплексе “Тахти-Сангин – храм 18” – так называемые рыбные блюда (рис. 1, 7, 9, 17, 18).

В среднеазиатской археологии четко выделены признаки этой керамической формы, несомненно, восходящей к греческим образцам. Строго говоря, среднеазиатские “рыбные блюда” собственно таковыми не являются – это невысокие чаши с резервуаром усеченно-конической формы и прямыми раскинутыми стенками (Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99, 100). Характерный признак этого типа сосудов – четко выделенный, нависающий “клювовидный” венчик, в большей или меньшей степени заостренный в нижней части (рис. 2, 13, 14, 19–21; 3, 1, 2). У большей части сосудов в центре имеется хорошо выраженное углубление – дань эллинистической традиции (рис. 2, 28). Если четко следовать типологическому методу, то ни один из опубликованных фрагментов в комплексе “Тахти-Сангин – храм 18” не является “рыбным блюдом”, которое

¹ К сожалению, огромная коллекция керамики из раскопок Тахти-Сангина до сих пор не обработана и теперь уже вряд ли будет обработана и опубликована, о чем писал Б.А. Литвинский в последнем томе “Храма Окса” (2010. С. 7). В то же время, как представляется, подробная публикация стратифицированных керамических комплексов памятника сняла бы многие дискуссионные вопросы, особенно касающиеся хронологии памятника.

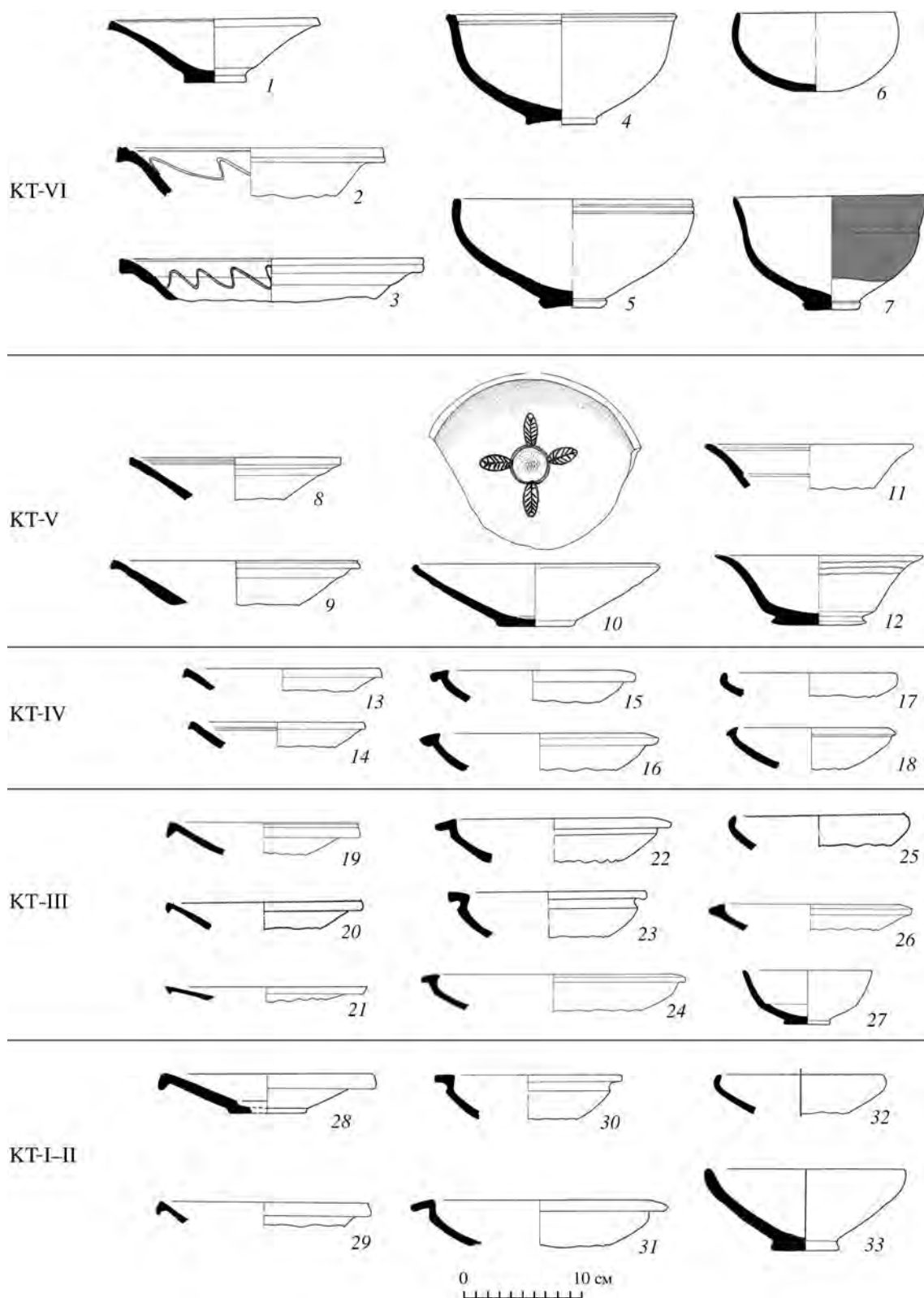

Рис. 2. Кампыртепа. Открытые формы в группе столовой посуды (конец IV в. до н.э. – первая четверть II в. н.э.).

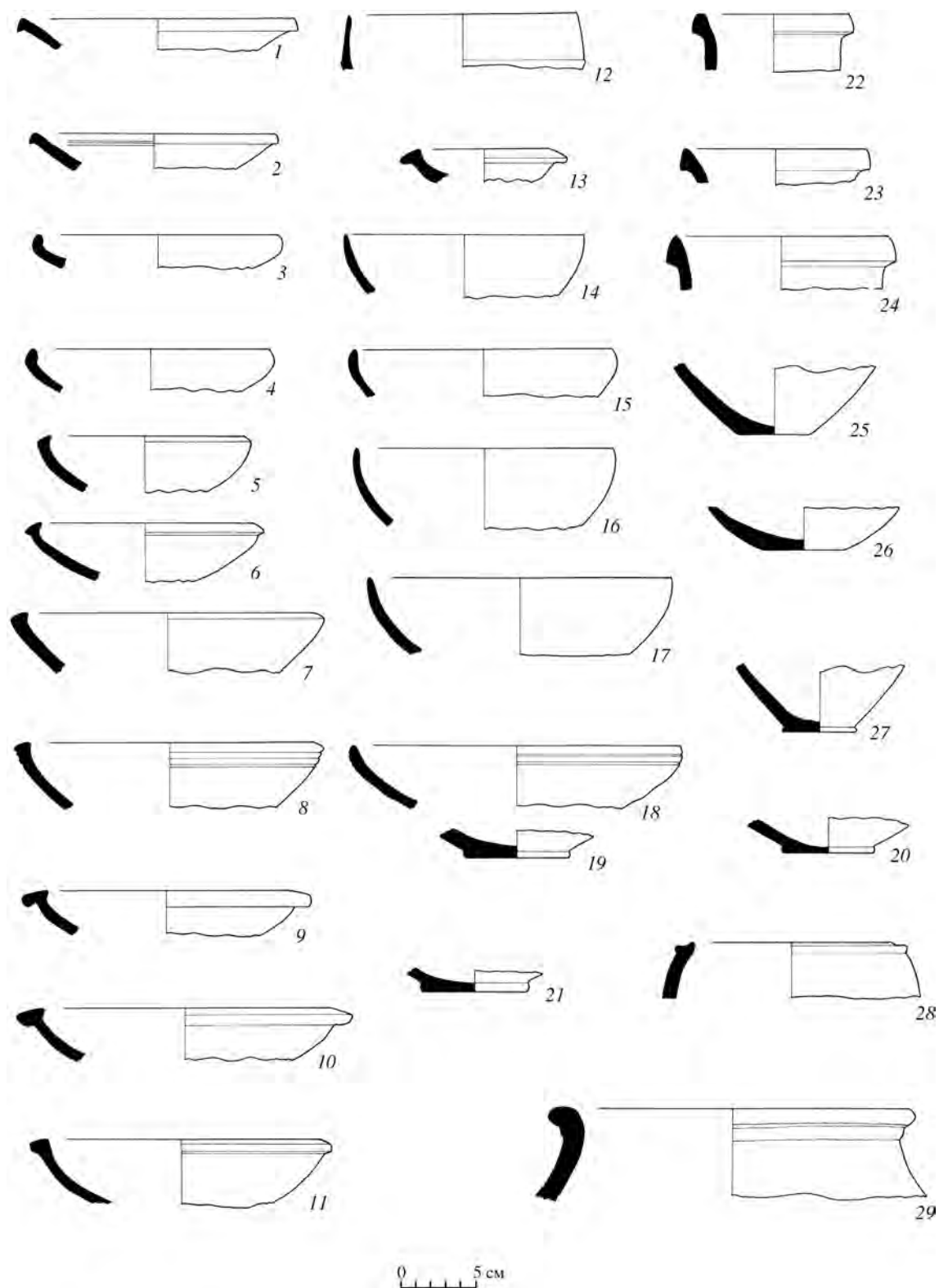

Рис. 3. Кампыртепа. Керамический комплекс КТ-IV.

можно было бы датировать в пределах III–II вв. до н.э.; ни у одного из них нет четко выраженного “клювовидного” венчика. В одном случае (рис. 1, 9) немного утолщенный верхний край сосуда имеет подтреугольные очертания, и он близок чашам юэчжийско-бактрийского и кушано-бактрийского периодов, широко представленным в комплексе Кампыртепа (рис. 2, 1, 9). Их можно рассматривать как трансформацию “рыбного блюда”, но появляются они не ранее начала I в. до н.э. У остальных чаш, представленных в комплексе, венчика просто нет, все они имеют плавно отогнутый наружу верхний край. У некоторых из них есть небольшой уступ по внутреннему краю устья сосуда (рис. 1, 7), характерный признак открытых форм столовой посуды юэчжийско-бактрийского периода, особенно в подгруппе сероглиняной керамики (Болелов, 2001. С. 27. Рис. 2; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 66. Рис. 7).

Некоторые чаши находят аналогии и в более поздних комплексах. Фрагмент венчика с зигзагообразным орнаментом по внутренней поверхности, несомненно, принадлежит красноангобированной крупной чаше, полной аналогии крупным столовым чашам (рис. 2, 2, 3), распространенным на территории Северной Бактрии во второй половине I – первой половине II в. н.э. (см. также: Пугаченкова и др., 1978. С. 151. Рис. 103; Литвинский, Седов, 1983. С. 219. Табл. XIV; Болелов, 2002. С. 62. Рис. 1, 27–37). Эти сосуды по морфологическим и параметрическим характеристикам резко отличаются от “рыбных блюд” и представляют собой вполне самостоятельную форму, которая появляется в Северной Бактрии не ранее I в. н.э. (Тургунов, 1973. С. 74. Рис. 16, 2, 3; Пидаев, 1989. С. 49). Характерный декоративный признак этих сосудов – процарапанный волнистый орнамент на внутренней поверхности; на Кампыртепа 86% процентов мисок были украшены подобным образом (Болелов, 2002. С. 45). Этот вид орнамента широко распространяется на территории Северной Бактрии на раннем этапе кушано-бактрийского периода (не позднее правления Вимы Такто). Орнаментировались только определенные типы сосудов; в группе столовой посуды это были крупные красноангобированные миски (Болелов, 2002. С. 57).

Ранее фрагменты, причем только крупных хозяйственных сосудов с таким орнаментом фиксируются очень редко (Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101; Восковский, 2002. С. 18. Рис. 10). В керамическом комплексе эпохи эллинизма Северной Бактрии орнаментированной посуды практически нет. В комплексе из крепости Курганзол известен лишь один фрагмент чаши, декорированной по верхней

горизонтальной поверхности венчика прочерченным зигзагообразным орнаментом (Сверчков, 2007. С. 56. Рис. 20, 8). В еще более многочисленном комплексе Кампыртепа (рис. 3) нет ни одного орнаментированного фрагмента (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 43–66; Болелов, 2011. С. 59–63). На среднеазиатских “рыбных” блюдах III–II вв. до н.э. не известны никакие виды орнаментации. Принимая во внимание приведенные выше факты, фрагмент крупной красноангобированной столовой миски с зигзагообразным орнаментом из Тахти-Сангина вряд ли следует датировать ранее середины I в. н.э.

К этому же периоду относится и фрагмент кубка, который исследователи считают “глубоким цилиндро-коническим” и относят этот сосуд к греко-бактрийскому периоду (Бороффка, Цзян Цзун Мэй, 2011. С. 54, 55). Однако на опубликованном фрагменте не отмечены характерные морфологические признаки, присущие этому типу посуды. Прежде всего это четко выделенный уступ или ребро, подчеркнутое валиком, в месте перехода от цилиндрической части к конической. Кроме того, у всех кубков греко-бактрийского времени был, безусловно, вертикальный прямой верхний край. У опубликованного фрагмента верхняя часть имеет округлые очертания и его, видимо, следует отнести к кубкам с округлым резервуаром на сравнительно высоком поддоне усечено-конической формы, широко распространенным в юэчжийско-бактрийский и кушано-бактрийский периоды (Мкртычев, Болелов, 2006. С. 56).

В комплексе “храм 18” представлены и другие типы столовой посуды. Это фрагменты полусферических чаш с прямым верхним краем, немного отогнутым наружу (рис. 1, 3, 5, 11, 12, 19). У некоторых из них четко прослеживается уступ на внутренней стороне резервуара, в центральной части сосуда (рис. 1, 5, 11, 19). Эти чаши находят себе прямые аналогии в керамических комплексах юэчжийско-бактрийского периода (не ранее конца II – начала I в. до н.э.)², причем в большинстве случаев (рис. 2, 11, 12) это сероглиняные тонкостенные чаши (см. также: Пидаев, 1978. Табл. IV; Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101, 5а, б; Восковский, 2002. С. 16. Рис. 7; Двуреченская, 2006. С. 132. Рис. 12, 1–4). К этому же периоду времени относится и нижняя часть сосуда на высоком кольцевом поддоне

² Аналогичные сосуды представлены в комплексе Джига-тепе так называемого второго греко-бактрийского периода, датированного второй половиной II в. до н.э. (Пидаев, 1984. С. 118). Однако по набору форм и характерных морфологических признаков, учитывая материалы Кампыртепа, этот комплекс скорее следует отнести к раннему этапу юэчжийско-кушанского периода и датировать самым концом II – серединой I в. до н.э.

(рис. 1, 14). Глубокие полусферические чаши на высоких кольцевых поддонах – характерная форма именно в юэчжийско-бактрийских комплексах (Пидаев, 1984. С. 119. Рис. 4, 32; Мкртычев, Болелов, 2006. С. 65. Рис. 7). Чаще всего такие поддоны были у сероглиняных крупных чаш.

Этим же временем датируется и нижняя часть крупного сосуда (хумча?) на трех ножках (рис. 1, 20). Хумы, хумчи, крупные горшки на трех конусовидных ножках появляются на территории Северной Бактрии не ранее I в. до н.э. (Пидаев, 1978. С. 128. Табл. VI, 19; Пугаченкова и др., 1978. С. 147. Рис. 101, 31; Lyonnet, 1997. Fig. 48). В более ранних комплексах эти сосуды, судя по всему, не фиксируются. В многочисленных публикациях археологических материалов эллинистического периода они отсутствуют. Сосуды на трех ножках (иногда их называют “триподами”) не характерны и для кушано-бактрийского периода. В слоях второй половины I – первой четверти II в. н.э. на Кампыртепа (период КТ-VI) они полностью отсутствуют (Болелов, 2002. С. 42–44).

На основании изложенных соображений и приведенных аналогий нет оснований считать комплекс керамики, найденной вместе с литейной формой на объекте “храм 18” городища Тахти-Сангин, единовременным, а тем более “закрытым греко-бактрийским”. Большая часть опубликованных фрагментов относится к более позднему периоду, а именно к юэчжийско-бактрийскому (I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.), а некоторые из них – к раннему этапу кушано-бактрийского периода (вторая половина I – первая треть II в. н.э.). Как представляется, этот факт, учитывая зафиксированную стратиграфическую ситуацию, однозначно свидетельствует о том, что исследуемый комплекс происходит из слоев мусора (верхние слои заполнения полуподземного помещения) и датируется не позднее первой четверти II в. н.э. Наличие в комплексе отдельных фрагментов эллинистической керамики несколько не влияет на окончательный вывод. Это говорит лишь о том, что в яму, в которой и была найдена часть литейной формы № 2, был сброшен мусор или после ремонта, или после капитальной чистки территории храма или теменоса.

Учитывая, что форма была найдена в яме, порезавшей относительно ранние слои, весь комплекс можно датировать не ранее середины I в. н.э. Неизвестно, почему уже готовая, как можно предполагать, форма не была использована. Возможно она треснула в процессе изготовления или были другие причины, но можно уверенно говорить, что она была изготовлена в другом месте и уже после этого вместе с разновременными фрагментами керамиче-

ских сосудов попала в яму вместе с мусором. Вряд ли ее следует рассматривать в одном контексте с керамикой из ямы и тем более с керамикой из культурных слоев, которые эта яма прорезала.

Таким образом, керамический комплекс, найденный вместе с литейной формой, никак не может быть основанием для ее датировки. Он в совокупности датируется в пределах III в. до н.э. – первой четверти II в. н.э. В данном случае имеется только комплекс разновременных находок из ямы или из верхних слоев заполнения полуподземного помещения, одна из которых – уникальная литейная форма. Датировать комплекс можно, как уже говорилось выше, в пределах почти 500 лет. В такой ситуации основанием для более узкой датировки литейной формы могут быть только палеографические данные или технологические признаки, но никак не керамика, найденная вместе с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болелов С.Б. К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалыгыр 2 в Левобережном Хорезме) // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского: Тез. докл. конф. М., 1999. С. 20, 21.
- Болелов С.Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2001 (Матер. ТЭ; Вып. 2). С. 15–30.
- Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002. (Матер. ТЭ; Вып. 3). С. 41–67.
- Болелов С.Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура / Ред. А. Саидов. Ташкент, 2004. С. 48–53.
- Болелов С.Б. Керамика эпохи великих кушан на территории Бактрии по материалам Кампыртепа (конец I – первая половина II в. н.э.). Традиции и инновации // Культура, история и археология Евразии / Ред. И.С. Смирнов. М., 2009 (Orientalika et Classika; XXII). С. 57–103.
- Болелов С.Б. Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на Среднем Востоке / Ред. С.Б. Болелов. М., 2010. С. 26–29.
- Болелов С.Б. Кампыртепа-Пандахеон в эпоху эллинизма // ВДИ. 2011. № 4. С. 29–48.
- Болелов С.Б. Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // Матер. ТЭ. Вып. 8 / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Елец, 2011. С. 48–80.
- Бороффа Н., Цзян Цзун Мэй. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение

- китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49–76.
- Восковский А.А. Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002 (Матер. ТЭ; Вып. 3). С. 9–18.
- Двуреченская Н.Д. Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // Матер. ТЭ. Вып. 6 / Ред. Э.В. Ртвеладзе, В.С. Соловьев. Елец, 2006. С. 110–137.
- Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. Вып. XXX. Душанбе, 2005. С. 86–105.
- Дружинина А.П., Иганаки Х. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. // АРТ. Вып. XXXIII. Душанбе, 2009. С. 101–106.
- Дружинина А.П., Иганаки Х., Худжагельдиев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 191–217.
- Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.
- Калалы-гыр 2. Культовый центр в древнем Хорезме / Ред. Б.И. Вайнберг. М.: Вост. лит., 2004. 286 с.
- Керзум А.П. Тахти Сангин. Керамика алтарно-башенного сооружения // Уч. зап. комиссии по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Археологические источники / Ред. И.С. Каменецкий. М., 1989. С. 195–208.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 293 с.
- Кубавара Я. Результаты радиоуглеродного анализа С-14 образцов из раскопок Тахти-Сангин // АРТ. Вып. XXXIV. Душанбе, 2010. С. 217–226.
- Литвинский Б.А. Храм Окса. Т. 3: Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. 238 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии. Т. 1: Раскопки, архитектура, культурная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.
- Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности / Ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 3–17.
- Массон В.М. Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры / Ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 258–264.
- Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе, Дж.Я. Ильясов. Ташкент, 2006 (Матер. ТЭ; Вып. 5). С. 43–67.
- Мокробородов В.В. Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана – Маверанахр / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2007. С. 148–156.
- Неразик Е.Е. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. М.: Гриф и К, 2013. 374 с.
- Пидаев Ш.Р. Мирзакул-тепе – памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии // Бактрийские древности / Ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 68–76.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978. 143 с.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепа (раскопки 1976 г.) // Древняя Бактрия / Ред. И.Т. Кругликова. М., 1984 (Матер. Советско-Афганской археологич. экспедиции; Вып. 3). С. 112–125.
- Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда / Ред. Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1987. С. 87–97.
- Пидаев Ш.Р. Эволюция двух форм керамики Северной Бактрии // Краеведение Сурхандарьи / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1989. С. 43–52.
- Пичикян И.Р. Тахти Сангин. Алтарно-башенное сооружение // Уч. зап. комиссии по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Археологические источники / Ред. И.С. Каменецкий. М., 1989. С. 177–194.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. 340 с.
- Попов А.А. Греко-Бактрийское царство. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 239 с.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. 247 с.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Беляева Т.В., Тургунов Б.А., Исхаков М.Х., Некрасова Е.Г., Вызго Т.С. Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент, 1978. 238 с.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Ред. О.Н. Иневаткина. М., 2000. С. 99–105.
- Сверчков Л.М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепе, Курганзол) // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2006. (Материалы ТЭ; Вып. 5). С. 105–125.
- Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Тр. Байсунской экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 31–64.
- Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация, хронология нижних слоев Кампыртепа //

- Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2006 (Матер. ТЭ; Вып. 5). С. 21–43.
- Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3. С. 171–180.
- Ставиский Б.Я. Античный мир, его традиции и элементы в истории культуры и искусства Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Ред. И.Р. Пичикян. М.: Вост. лит., 1978. С. 203–217.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент, 2000. 545 с.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. 370 с.
- Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент, 1973. С. 52–78.
- Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Раннесредневековый некрополь Куюккала / Ред. С.В. Васильев. М.: Ассоциация Экоост, 2008. 431 с.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Вост. лит., 2002. 392 с.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV–II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III / Ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1974. С. 28–52.
- Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–79.
- Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Katalog zur Ausstellung. Mannheim, 2010. 445 S.
- Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. Bd. 40. S. 121–135.
- Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bull. Miho Museum. 2006. V. VI. P. 57–69.
- Gardin J.-C. Les Céramiques // Fouilles d'Aï-Khanoum. I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire / Éd. P. Bernard. Paris, 1973. (MDAFA; T. XXI). С. 120–188.
- Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris, 1997. 447 p.
- Lyonnet B. Les Grecs, les Nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'Aï Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère // Bull. Asia Institute. New Series. V. 12. N. Y., 2001. P. 141–159.
- Lyonnet B. La céramique hellénistique en Asie centrale // Networks in the Hellenistic World. According to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond. Oxford, 2013. P. 351–368.
- Swertschkow L.M. Die Grabungen im Fort Kurgansol im Süden Usbekistans – neue Daten zur Geschichte Zentralasiens am Ende des 4. Jrs. V. Chr. // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Katalog zur Ausstellung. Mannheim, 2010. S. 78–83.